

из числа наследников, призванных к наследованию. Поэтому, считаем уместным дополнить ч. 2 ст. 1082 ГК Республики Беларусь положением следующего содержания: «В случае, если к наследованию призваны два наследника или более, из числа лиц, постоянно пользовавшихся неделимой вещью, указанная неделимая вещь поступает в общую долевую собственность этих наследников в соответствии с причитающимися им наследственными долями, если иное не предусмотрено соглашением наследников, принявших наследство, в состав которого входит неделимая вещь».

Таким образом, в заключение отметим, что критерии выбора наследника, которому в тех или иных случаях предоставляется преимущественное право на получение наследственного имущества, зависят от его отношения к такому имуществу: имел ли он долю в праве общей собственности на вещь, пользовался ли ею. При этом отметим, что такое преимущественное право обусловлено объективным свойством вещи – ее неделимостью.

Библиографический список

1. Гражданский кодекс Республики Беларусь: Национальный Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020. – Режим доступа: <http://www.pravo.by>. – Дата доступа: 12.11.2020.
2. Гражданское право. Особенная часть : учеб. пособие / И.А. Маньковский, С.С. Вабищевич. – Минск : Адукацыя і выхаванне, 2013. – 368 с.
3. Фоков, А.П. Проблемы права общей собственности : теоретические и практические аспекты : Монография. М.: Издательская группа «Юрист», 2003.
4. Никольский, С.Е. Преимущественные права в наследственном праве России и зарубежных стран : Монография. / С.Е. Никольский, О.Е. Блинков [Электронный ресурс] // Консультант-Плюс. Россия / ООО «ЮрСпектр». Минск, 2020.
5. Щенникова, Л.В. Вещное право. Учебное пособие. – Пермь : Изд-во Пермского университета, 2001. – 240 с.

РЕАЛИЗАЦИЯ ТИПОВ ПРАВОПОНИМАНИЯ В ЦИВИЛИСТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

С.И. Князькин

*доцент кафедры гражданского и административного судопроизводства
Российского государственного университета правосудия,
кандидат юридических наук, доцент*

Правосудие по гражданским, экономическим и административным делам, как и вся отрасль процессуального права испытывают на себе влияние преобладающего типа правопонимания. Не умаляя значимости к иным

подходам к праву, основными типами понимания права являются позитивистский и естественно-правовой. На постсоветском пространстве, в России и Республике Беларусь исторически преобладает позитивистский подход к праву, в соответствии с которым право отождествляется с законом и не может реализовываться, защищаться, если не закреплено в законе или иных формах права. Представители юридического позитивизма часто не останавливают внимание на этом аспекте подхода. В качестве одного из преимуществ позитивизма выдвигается равная мера закона, которой можно одинаково измерить, урегулировать многочисленные противоречивые интересы, включая спорные отношения. Сторонники позитивизма отмечают нецелесообразность привнесения в право неправовых категорий [1; 2], включая правовые позиции судов как результат модельного толкования норм права.

В терминологическом плане позитивистский подход преследует верховенство закона, а естественный подход, - верховенство права. Даже на лингвистическом уровне имеет место непонимание, когда английское «rule of law», употребляемое Европейским Судом по правам человека, отечественными специалистами-юристами и представителями средств массовой информации переводится как «верховенство закона», в то время как на самом деле «law» - в переводе очевидно означает не что иное, как право и только право.

Закон используется как панацея от всех ошибок и упущений в сфере юридического регулирования многоликих общественных отношений. Суд использует закон в качестве основного инструмента восстановления и защиты нарушенных прав со всеми сопутствующими последствиями. И этот подход оправдан, когда закон и право, а точнее, заложенные законодателем меры по защите нарушенного права, смысл применяемого в конкретном споре закона, данный ему законотворцем, соответствуют природе спорных отношений, их специфике, совокупности установленных судом обстоятельств и собранных доказательств. Но такое совпадение бывает далеко не всегда и не по каждому спору.

Обратной стороной идеализации закона выступает заведомое ограничение суда, во-первых, принципиальной невозможностью защиты нарушенного права, а, во-вторых, неадекватностью средств его защиты, которые заложены законодателем. При таких существенных ограничениях принятие справедливого судебного решения в большинстве случаев невозможно. Алгоритм разрешения спора и принятия решения начинается не с установления факта нарушения права, а с выяснения того, на каком законе или другом нормативном правовом акте основано заявленное требование. Лишь в случае положительного ответа на второй вопрос истец получит судебную защиту нарушенного права, но только в той части и теми средствами, которые предусматривает закон или, того хуже, подзаконный акт.

Последнее обстоятельство является дополнительной проблемой, поскольку верховенство закона автоматически признаёт соответствие подзаконных актов,

регионального законодательства, федеральному закону и, что самое абсурдное, - Конституции и Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод. При этом вопрос о конституционности всего массива нормативных правовых актов, - специальных законов, конкретизирующих федеральные конституционные и рамочные федеральные законы, положений, приказов, содержащих порядки реализации прав граждан и организаций, и применяемых судами либо не ставится в принципе, либо разрешается эпизодами, в порядке абстрактного нормоконтроля, - производства по делам об оспаривании нормативных правовых актов. Конечно, такой выборочный контроль не может снять ежедневную неопределённость суда о соответствии подзаконного акта Конституции, то есть, соответствии правам и свободам, и его пригодности в разрешении конкретного спора.

Существует огромное количество примеров из судебной практики, демонстрирующих принятие решения с позиции верховенства закона, но расходящееся со справедливым судебным разбирательством. Например, гражданское и семейное законодательство не позволяют заинтересованному лицу в судебном порядке изменить условия брачного договора, или вовсе расторгнуть его, даже если он был заключён на крайне невыгодных, несправедливых условиях для одной из сторон. Подавляющая часть имущества после расторжения брака переходит одинокому супругу, а оставшаяся мизерная часть, - бывшей супруге, у которой чаще всего на содержании остаются несовершеннолетние дети. Аналогичным образом суд не позволяет признать договор дарения недействительным в иных случаях, не поименованных гражданским законом, даже если обстоятельства изменились настолько, что даритель оказывается без средств к существованию. Вряд-ли законодатель имел в виду такие обстоятельства реальной жизни, формулируя положения гражданского закона.

В этом случае уповать на законодателя не требуется, необходимо, чтобы суд истолковал закон сообразно конкретным фактическим обстоятельствам дела, указав на невозможность следования букве закона в данных обстоятельствах. Судебное толкование не только демонстрирует негодность данного закона, но и указывает на иные формы права, включая акты большей юридической силы, применение которых способно привести к принятию не только законного и обоснованного, но и справедливого решения по конкретному делу. Разница в верховенстве закона и верховенства права состоит в том, что одни и те же обстоятельства дела и собранные доказательства с позиции следования букве закона и его духу не позволяют восстановить нарушенное право, а с позиции верховенства права никаких формальных препятствий у суда в принципе не существует.

Реализация позитивного и естественного понимания права имеет специфику и в проверочной судебной деятельности. При верховенстве закона проверка судебных актов не только в так называемых судах права, - кассационных и надзорной судебных инстанциях, но и в суде апелляционной

инстанции отталкивается от применённых законов и подзаконных актов. Алгоритм рассмотрения жалоб заинтересованных лиц начинается с проверки правильности применения норм процессуального права, безусловных процессуальных оснований изменения, отмены судебных актов. В этой части с логикой законодателя можно согласиться лишь частично: наличие далеко не всех оснований свидетельствует о нарушении права на судебную защиту, повлекшем неправильное разрешение спора [3, с. 49-54]. Обязанность отменить решение суда первой инстанции независимо от того, правильно ли оно в вопросах полноты установленных обстоятельств, собранных доказательств и их справедливой судебной оценки, представляет собой пример верховенства процессуального закона над справедливым судебным разбирательством. Отсутствие здравого смысла состоит в том, что суды апелляционной инстанции нередко вынуждены дословно воспроизводить текст решения суда первой инстанции при его отмене по безусловным процессуальным основаниям.

Ещё одним признаком господства позитивизма в проверочной судебной деятельности является наличие так называемых интересов законности, позволяющих выйти за пределы доводов жалобы и проверить судебный акт в полном объёме. И в этом случае можно говорить о том, что суд связан формальными ограничениями, далёкими, или, по крайней мере, не всегда совпадающими с целями справедливого судебного решения. Даже перечисление законодателем категорий дел, по которым суд вправе проверить решение в полном объёме, не свидетельствует о склонении суда к детальному анализу фактических обстоятельств этих дел в целях принятия справедливого судебного решения. Если бы это было именно так, то возникает обоснованный вопрос о том, почему справедливая судебная защита и восстановление прав в иных спорах не является целью правосудия.

Третьим признаком преобладания позитивного подхода к праву в рамках проверки судебных актов является известное ограничение судов кассационной инстанции в доказывании: они не вправе не только собирать и исследовать новые доказательства, но и выражать своё мнение относительно уже собранных предшествующими судебными инстанциями доказательств. Положения процессуального закона прямо допускают проверку соответствия выводов суда фактическим обстоятельствам дела. И даже при прямом разрешении закона вмешиваться в вопросы факта, Верховный Суд Российской Федерации как бы извинительно отмечает, что суду кассационной инстанции разрешена не переоценка доказательств, а изменение правовой квалификации спора и только в целях, указанных в законе. Эта модельная позиция является примером того, как господство позитивизма не только отпугивает суды от свободного судебного толкования норм права, но и загоняет их в более узкие рамки полномочий, чем даже те, которые предусмотрены законом.

Необходимо отметить, что для перехода к верховенству права в судебной деятельности не требуется новое законодательное регулирование. Всё зависит от суда, который призван реанимировать не только свободную судебную

оценку доказательств, но и свободное толкование норм права для их соотнесения с обстоятельствами каждого дела и решения вопроса о возможности их применения в рамках конкретного спора.

Библиографический список

1. Черданцев, А.Ф. Теория государства и права. – М., 1999. – 429 с.
2. Шершеневич, Г.Ф. О чувстве законности. – Публичная лекция, читанная 10 марта 1897 года // СПС «Гарант.
3. Князькин, С.И. Условный характер безусловных процессуальных оснований отмены судебных актов в гражданском процессе // Арбитражный и гражданский процесс. – 2018. – № 6. – С. 49-54.

МИКРОФИНАНСОВЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ И ОРГАНИЗАЦИИ, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИЕ МИКРОФИНАНСОВУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. ОСОБЕННОСТИ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ

Н.О. Ковалёва

юрисконсульт РУП «Белскупдрагмет»

В соответствии с Указом Президента Республики Беларусь от 23.10.2019 № 394 (далее – Указ) специализированным организациям предоставляется право на осуществление микрофинансовой деятельности (предоставление микрозаймов).

В соответствии с п.п. 2.3 п. 2 Указа микрофинансовую деятельность вправе осуществлять юридические лица:

созданные в форме государственного (республиканского или коммунального) унитарного предприятия, а также хозяйственного общества, 50 и более процентов акций (долей) в уставном фонде которого находится в собственности Республики Беларусь и (или) ее административно-территориальных единиц, зарегистрированные в сельской местности и включенные в государственный информационный ресурс «Реестр бытовых услуг Республики Беларусь»;

осуществляющие скупку драгоценных металлов и драгоценных камней в изделиях и ломе для пополнения Государственного фонда драгоценных металлов и драгоценных камней Республики Беларусь.

Согласно ч. 2 п. 3 юридические лица, названные в п.п. 2.3 п. 2 настоящего Указа, вправе осуществлять микрофинансовую деятельность со дня информирования Национальным банком о получении уведомления о намерении осуществлять данную деятельность, направленного на бумажном носителе (заказным письмом) или в электронном виде в порядке, установленном Национальным банком. Следовательно, предприятия попадают под осуществление микрофинансовой деятельности, но не приобретают статус микрофинансовой организации.